

Как же вольготно на войне зверью: охота в районе боевых действий категорически запрещена, людям разрешено убивать только людей.

И вот уже мелкими диверсионными группами проникают в города белки. По обочинам дорог, не обращая внимания на машины, вальжными гаишниками расхаживают фазаны и куропатки. Лисы – о, эти огненно-хвостатые плутовки, по-щучьи лавируя среди мокрых от росы кустов-водорослей, уже не оглядываются испуганными новобранцами по сторонам. Ночи, отобранные у влюблённых ради комендантского часа, это звёздное, ракетно-осветительное, трассерное, в сполохах пожаров, оставшееся без присмотра время поделили меж собой как орла и решку на подброшенной монете кабаны и волки.

Красота.

Слава Украине!

Войне слава!

Ранения, болезни, гибель людей на Донбассе – не в счёт. Пока нет охотников, всё лучшее, – птицам и зверям!

А уж потом, что останется – пехоте!

Её и расстреляли первую.

На войне у солдата доля известная – идти в атаку или стоять насмерть на занятых рубежах. И ни одна высота по любому уставу любой армии мира не считается взятой, если на неё не ступила нога пехотинца. Громкие наименования гвардейских, всевозможных кантемировских, орденов и знамён

таких-то – да, весомо и значимо, кровью и потом добыто. Но шепчется, словно из былин и бабушкиных сказок, ласкает слух главное их имя – «матушка-пехота». Ангельская мягкость и умиротворение в слове, но погодите, погодите, ведь именуют матушкой ещё и саму Россию! Россия Матушка – это матушка пехота? Господи, с какого же плеча досталась ей солдатская шинель? Чью военную судьбу ненароком примерила? Кого вновь и снова, себя не жалея, защитит и спасёт?

Не кончаются на Руси былины...

3

Но и Донбасс порожняк не гонит! Если работать – то нет никого впереди Стаханова. Песни петь – неподражаемы Соловьяненко, Богатиков, Кобзон. Снимать кино – на форсаже Леонид Быков со своей поющей эскадрилей. Встать жертвенно против врага, никого не выдать и быть сброшенными в шурф шахты – всей Молодой гвардией.

А уж если иметь в своих степях высоту – то Саур-Могилу под триста метров над уровнем ближайшего Азовского моря. Захочешь, а не придумаешь более выгодного места для корректировщиков огня. Поищешь, а не найдёшь более погибельного места для пехоты, хотя в данном случае «могила» переводится всего лишь как «курган».

«Матушка» во множественном числе и полегла здесь в 1943-м, сбивая фашистов с нашпигованной пулемётами господствующей высоты. Не могла не сбить, потому что вёл штурмовые отряды в атаку в том числе будущий командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии Василий Маргелов! Он со временем сделает пехоту крылатой, оденет её в тельняшки и береты небесного цвета. Но тогда, в Великую Отечественную, ей – пыльной, потной, не имеющей сил не то что посмотреть в небо, а приподнять под пулями голову, отдали приказ: взять курган и стоять насмерть.

Она взяла и стала.

Через двадцать лет после победы бойцов отлили в металле, чугуне и бетоне, установив на постаменты-пилоны у самого подножия высоты. Масштабно, зримо, и первые цветы экскурсантов – им.

Только вот скульпторы и архитекторы наверняка не воевали и даже не служили в армии: оставили солдатиков на голом склоне. Одних. Без поддержки.

А как снова война?

Если снова начнут стрелять?

4

И ведь начали. Как и фашисты – летом.

2014 года.

Первая же выпущенная через 70 лет от рождества Победы в сторону Саур-Могилы пуля настигла сразу двоих бойцов, убитых ещё в 1943 году – старшего техника лейтенанта Карпеева и гвардии рядового Карелова. Их имена, расположенные рядом на мемориальной доске, разворотила не трассирующая и даже не разрывная пуля. Прилетела гостьей из будущего придуманная уже после Великой Отечественной смерть со смещённым центром тяжести. Эдакая вишенка на торте для врага: входя в человека элегантно, почти без кровинушки, малым укусом, она не застревает в плоти, а с убойной силой продолжает кувыркаться внутри тела и мясорубкой молотить попадающие внутренности. А уж как эффектно выходит наружу – зияющим, словно от осколка мины, отверстием. И это несмотря на то, что весу в этой вращающейся пульке – всего три с половиной грамма. Вишенка с торта тяжелее.

Но убийцам памятников мало оказалось мемориальных плит и просто имён. Им нужна была сама Саур-Могилка. Как символ сломленного Донбасса. Так фельдмаршалу Паулюсу требовался Мамаев курган под Сталинградом в знак поверженности Красной Армии.

И тут вдруг оказалось, что скульпторы и архитекторы – эти гражданские шпаки, глупцы в военной стратегии, тем не менее интуитивно, надёжнее Генерального штаба опоясали высоту четырьмя пилонами как четырьмя рубежами обороны.

Первых под удар, никуда не деться, выставили пехотинцев. Основной шквал огня пришёлся на командира, на лице которого потом насчитают более пятидесяти пробоин. Его подчинённые, не имея

возможности ответить нападавшим из своих бетонных автоматов, боясь растоптать бетонными сапогами тюльпаны, высаженные у подножия, не тронулись из разрушенного бетонного окопа. А вот ровные парадные ряды наступающих подпортил худенький солдатик с постоянно съезжающей на глаза каской. Ни дать ни взять ученик электросварщика с украденным у мастера шлемом. Вояка...

Пехоту изрешетили и без него, но едва убийцы перешагнули взятый редут, из знойного июльского марева перед ними словно из земли вырос пилон с танкистами. Богатыри, красавцы в шлемах и комбинезонах! Несокрушимая силища, не выведи их скульптор из боевых машин, не выстрой в шеренгу прямо под пулемётную очередь. Воистину: ну что стоило спрятать гвардию за бронёй, глядишь, остались бы живы. А так... так маленькие, словно лилипуты в сравнении с горой и памятниками камуфляжные человечки с полуфашистскими эмблемами на украинских шевронах посчитали за честь и ухарство вновь вскинуть автоматы. И очередями, очередями по своим дедам – грузинам, русским, белорусам, по таким же, как они сами, украинцам: танковые экипажи всегда считались интернациональными.

Слава Украине!

Предателям слава!

Синхронность атаки уже привычно испортил заморыш со смешной украденной каской: и к земле гнулся, и за спины друзей прятался, стараясь не идти в первой шеренге. Расстрелять бы как труса, да останавливаться некогда: вслед за танкистами вышли под украинские вишенки на торте «боги войны» – артиллеристы. Эти ребята не промах, они могут ответить прямой наводкой из «сорокопятики». И ответили бы, да вовремя дали залп расположившиеся на смотровых площадках, скрежещущие в гневе траками, как психопаты зубами, танки. Они и пробили брешь в третьем пилоне обороны, а в назидание другим снесли бравому усатому командиру расчёта полголовы. Тот сам, конечно, оказался виноват – форсил в пилоточке. Думал, слишком далеко его окоп от начала боя, обойдётся.

Не обошлось.

Но ещё более дурными хлопцами оказались летаки. Их вообще никто на землю не звал, летали бы себе в небесах, поближе к защите ангелов. Но не найти счастья в небе, если на родной земле враг. Вошли в пике, приземлились в эпицентре боя. Толку от этого отчаянного шага было мало, вообще пользы никакой не имелось, если учесть, что у лётчиков нет автоматов, а с пистолетиком себя не защитить, не то что Родину.

Значит, рукопашная!

Успели добежать до кромки аэродрома. И там, на краю пилона, получили по полной. Больше всех получили. Выместили на них, последних, украинские полуфашисты всю свою злость за предыдущие задержки. Разнесли в клочья летунов – аж чугунные и бетонные брызги летели. Успей к атаке отставший боец-сварщик и подключись к стрельбе, вообще бы от пилона ничего не осталось.

Но и без этого вот она, возделенная цель – стоящий на вершине кургана девятиметровый воин-освободитель. Как бельмо на глазу. Слава Богу, последний из защитников. Герои кончились. Где ты, заморыш-сварщик-трус? Не желаешь доказать свою готовность защитить Революцию Достоинства от поганого советского и москальского прошлого? Освободить от этого прошлого себя? Стреляй, раз не хочет сдаваться, поднимать руки вверх эта девятиметровая бетонная чушка! Скомандовать «Пли!»?

Но пожалел солдатика-заморыша памятник, не дал взять грех на душу. Искромсанный осколками, прошитый насквозь пулями, оставшийся в одиночестве и окружении, он вдруг со всей своей огромной высоты, вместе с тридцатиметровой стелой за спиной, повторяя Александра Матросова, рухнул на пулемёты врага сам.

О, с каким ужасом разбегались от падающей с небес страшной кары лилипуты!

И как долго дрожала и стонала от удара земля!

Но – всё!

...Днепр не повернул свои воды вспять.

Соловьи не лишились голоса.

Солнце продолжило греть и светить.

Потому что не кончились, звучали выстрелы! Невероятно, но по наступающим Каинам и

Иудам! Из-под обломков рухнувшей стелы. Эти непонятные защитники за последний клочок кургана, за его вершину, на которой водружают флаги победители, бились как за Брестскую крепость. Аджимушкайские каменоломни. Невский пятачок. Ржевский плацдарм. До поры до времени их прикрывали своими телами фронтовики, но всё равно, судя по плотности обрушившегося на Саур-Могилу огня, живых не должно было остаться здесь десять раз подряд. Небеса устали ждать их души в свою синь, кто бы они не были – русский спецназ или местные шахтёры-ополченцы.

И вроде одинаковые книжки читали те, кто наступал, и те, кто оборонялся. Однако важнее оказалось то, каких героев каждый себе выбирал. В цветущей, песенной, почитаемой, ныне несчастной Украине этот выбор случился в день, когда на столе у президента сошлись представления на звание Героя Украины командиру «Молодой гвардии» Ивану Туркеничу и Степану Бандере.

Кто не скачет, тот москаль!

Москаляку – на гиляку!

...Первым погибшим мирным жителем на Донбассе стала смотрительница музея «Молодой гвардии» из Краснодона.

А на Саур-Могиле огонь с каждым мгновением угасал: автоматы бесполезно пытались глотнуть патронов полной грудью. Но как пустыня неумолимо и безвозвратно впитывает воду, так бой пожирает боеприпасы.

И когда стал неминуем последний рывок бандеровцев, их близкое торжество, пляска на вершине с портретом лысоватого, но так отчётливо похожего на чубатого Гитлера Героя Украины Степана Бандеры, командир ополченцев с позывным «Медведь», имевший за бои в Афганистане ордена Красного Знамени и Красной Звезды, истекающий красной кровью на войне, пока не имеющей точного названия, вызвал на себя огонь «градов».

...Мы под Колпином скопом стоим,

Артиллерия бьёт по своим.

Это наша разведка, наверно,

Ориентир указала неверно.

Недолёт. Перелёт. Недолёт, –

По своим артиллерия бьёт...

Строки и судьбы из Великой Отечественной. Здесь ориентир был указан верно. И после паузы, заминки, взятой артиллеристами на осознание приказа стрелять по своим, в обозначенный квадрат с диким воем безостановочно помчались на огненных хвостах метровые снаряды.

И полетели ошмётки от тех, кто наступал и уже уверовал в победу.

Кубарем покатались под уклон – туда, откуда пришли.

Неслись прочь безоглядно, не вспоминая ни святых, ни «Молитовники», которые им выдали вместе с боеприпасами перед боем. Да и какие молитвы, если их, как и церковь, поделили. Если своих святых сами поменяли на заморских, а тем ли до чужой беды? Оставалось просто бежать и бежать прочь от возмездия, спасти свои шкуры. Самым надёжным вариантом было укрыться где-нибудь от огня, но опять же, сами только что снесли, изувечили пилоны. Идиоты!

Потому неслись, бросая раненых и оружие. Обгоняя друг друга, а в первую очередь недотёпу, потерявшего, наконец, каску, но при этом оказавшегося с самым тяжёлым подсумком для боеприпасов. Не стрелял? Ни одной пули не выпустил при атаке? Ни одной гранаты не бросил во врага? Неужели ещё остались на Украине такие? Может, ещё не всё потеряно?

Не стрелявшим – слава!

Останься в живых, пацан.

...Кто сказал, что вольготно на войне зверю и птице? Первые снаряды, выпущенные по Донецку, разрушили в краеведческом музее именно зал «Животный и растительный мир Донбасса».

Погиб и «Медведь».

На могиле гвардии старшины наконец напишут его имя: «Гришин Олег Григорьевич. «Медведь». 03.02.1966 – 28.07.2014». Отстоявших Саур-Могилу и оставшихся на ней под крестами и могильными холмиками окажется семеро. Семеро смелых. «Грек» – Хиргий Руслан Геннадиевич.

«Урал» – Блажко Иван Васильевич. «Таксист» – Картуз Сергей Николаевич... А вот «Реве», «Бумеру» и «Сёме» повезло, выжили. Нельзя, чтобы погибли все. Никак нельзя: Донбассу ещё сражаться и сражаться.

7

Сегодня над Саур-Могилой синее небо. Высоченное! Нигде не увидишь такого мирного неба, как на войне.

Музейные работники чистят на смотровой площадке фронтную технику. Вре́мён Великой Отечественной. На одном из танков при украинской власти почему-то замазали краской бортовой номер «014». Но краска выгорает, и номер боевой машины, её имя собственное, проступает всё отчётливее.

Саур-Могила в руинах, но у остатков пилонов вновь высаживаются тюльпаны. Рваные ржавые раны на лицах солдат пугают, не вяжутся с нежностью цветов, но почему-то хочется оставить здесь всё, как есть. Без лакировки. Чтобы было грубо и страшно. Правда нынешней не объявленной войны на Донбассе – это в том числе и простреленный сапог с обрубком ноги чуть ниже колена – единственное, что осталось от центрального монумента. Хотя нет, из-под рухнувшей стелы виден сжатый бронзовый кулак солдата.

На Кузбассе написано, а словно про Донбасс:

По шалам,

Как по нотам,

Идёт шахтёрская пехота.

...Звук от удара в колокол из построенной на кургане часовенки стоит в небе долго-долго. Больше минуты. Верный признак того, что отлит умелым мастером. Такие колокола и для набата, и для благовеста.

8

А в рваной ране под правой скулой лейтенанта-пехотинца воробьишки третий год вьют гнездо для потомства...

